

Сирения

ИСКРА ДЛЯ
УГАСАЮЩЕГО
МИРА

СИрения - Искра для угасающего мира

<https://litres.ru/74205633>

Аннотация

После страшной аварии я возродилась в угасающем мире, где земля отравлена болотами, а небеса прокляты ангелами. Моя миссия — снять это проклятие. Но я не справлюсь в одиночку. Мне предстоит объединить моих истинных: альфу оборотней и повелителя эльфов заставив их забыть о многовековой вражде. Вместе мы должны найти и возродить Источник Жизни, пока этот мир не погрузился в хаос окончательно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	42
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1

Искра

Вечер выдался промозглым и безрадостным, точно сама осень выжимала душу из города, оставляя после себя лишь мокрый асфальт и ошметки желтой листвы в лужах. Я шла по обочине, уворачиваясь от брызг проносящихся машин, и думала о коте. Накормила ли его мать. О том, что молоко в холодильнике наверняка прокисло, а он терпеть не может прокисшее молоко. О незаконченном отчете, который ждал меня на столе, о ворохе бумаг, который с понедельника превратится в нескончаемый кошмар. О том, что отпуск, который я откладывала уже три года, снова не случится. Моя жизнь была клубком таких вот мелких, незначительных забот, туго стянутых в один большой узел под названием «надо» и «обязана». Голова гудела от усталости, в висках стучало, и я почти физически ощущала, как время утекает сквозь пальцы, песчинка за песчинкой, унося с собой что-то важное, что я так и не успела понять и разглядеть. Даже мое имя, странное и непонятное для современного мира, раздражало меня с самого детства. Это отец выбрал его, встречая маму, со мной на руках, возле роддома. Солнце горело огнем в прядях моих медных младенческих волос.

Наушники глушили городской шум, но не могли заглушить внутренний. Я была полностью поглощена этим белым

шумом собственных мыслей, не замечая ничего вокруг. Забравшись в свою развалюшку-машину, я включила печку, чтобы согреться, и тронулась с места. Музыка продолжала свой ритм, наушники я не снимала. Переезд. Замигал светофор, предупреждающий о проходящем поезде. Успею! Я нажала с силой на газ...

Последнее, что я почувствовала — это ледяной удар по груди, короткий полет и оглушительный хруст собственных костей. Не больно. Совсем. Просто шок, будто вселенский щелбан по лбу. И пронзительный, уходящий в никуда визг тормозов. А потом...тишина. Ничего. Ни страха, ни света в конце туннеля. Ничего, кроме плавающего в пустоте ощущения собственного «я». Мысли текли лениво, как сонные мухи по стеклу. «Ну вот и все. Кончилось. А я так и не съездила в отпуск.»

Тишина была густой, как мед, и бездонной. В ней не было ни времени, ни пространства, только я — сгусток осознания, лишенный формы и памяти. Я пыталась вспомнить что-то еще из своей жизни — лицо матери, первую любовь, вкус шоколада, — но все это уплывало, как дым, оставляя после себя лишь призрачный след. Только чувство невыполненного долга и легкое, почти комическое раздражение от собственной нелепой концовки. «Какой идиотский финал», — подумала я, и эта мысль показалась мне сейчас единственно настоящей. Не было ни панорамы жизни, ни видений, только тупая, будничная досада. И все же, где-то в самой глубине

этого растворенного «я» тлела крошечная искра — не желания жить, нет, это было слишком громко, а скорее тихое, упрямое любопытство. А что, если? Что было бы дальше? Неужели все это — суета, отчеты и прокисшее молоко — и есть весь смысл? В этой абсолютной пустоте мое «я» вдруг яростно, до судороги, захотело ответа.

Пустота вдруг вздохнула и потеплела. В ней зародился свет. Не слепящий, а мягкий, золотой, и в нем возникла фигура. Не ангел с крыльями и не бог с бородой. Просто... Сияние в форме человека. Оно не говорило ртом, слова возникали прямо у меня в голове, тихие и безграничные, как океан.

- Эридия умирает. Магия, что была ее кровью и душой, иссыкает. Мир трескается, рассыпается в прах. Ему нужен Ключ. Новая, чистая душа, незапятнанная нашим упадком.

Я не поняла ни слова. Эридия? Магия? Мне бы о коте подумать, о незаконченных отчетах на работе. Но свет словно читал меня.

- Твое тело мертво. Твой выбор — уйти в ничто или принять новую плоть. Стать надеждой для мира, который тебя не знал. Согласна ли ты?

Раздумывать было странно. Я только что убедилась, что после смерти — ничего. А тут... предложение. Пусть безумное. Жажда жизни, та самая, что заставила меня когда-то выбрать профессию врача. Резко подняла голову.

- Да. Да, я согласна! — крикнула я беззвучно в пустоту.

- Твои родители называли тебя Искрой, даже не ведая, какую истину они прозрели. Это не случайность. Не просто имя. Это – суть. Ты – не просто новая душа. Ты – та самая искра, что может разжечь угасающий огонь. Только чистая, рожденная в ином мире энергия способна дать начало новому пламени. Ты – Искра для угасающего мира. Прими же свою судьбу.

Имя, которое я носила всю жизнь, в один миг обрело невероятный, пугающий вес. Предназначение. Свет поглотил меня...

Первый сигнал— запах. Сладковатый, пыльный аромат увядшей полыни и чего-то чужого, фиалкового. Потом — тактильные ощущения. Твердая, колючая почва под спиной. Прохладный ветерок, ласкающий кожу... Кожу? Я открыла глаза. Надо мной было небо.

Но не мое, родное, сизое от смога, а чужое: лиловое, с переливами аквамарина по краям. Я лежала на поляне, усыпанной фиолетовой травой. Я была абсолютно голая. Подняла руку — и замерла. Это была не моя рука. Более длинные пальцы, более нежная, идеальная кожа без родинки на запястье, которую я всегда так не любила. Я провела ладонью по животу — плоский, упругий. По бедрам — гладкие, сильные. Грудь... больше и чувствительней. От прикосновения соски налились жаром, по телу пробежала мелкая дрожь.

Я села, смотря на свое новое тело с смесью ужаса и жгучего, почти неприличного любопытства. Это был ящик с но-

выми, неопробованными игрушками. Каждый нерв звенел, каждая пора дышала. Ветер обвивал лодыжки, касался внутренней стороны бедер, и я непроизвольно сжалась от странного, нарастающего возбуждения. Это было пугающе и... невероятно. Я была жива. Я была другой. Я была вся — одно сплошное, обостренное до боли чувство. Я обняла себя за плечи, чувствуя под пальцами мурашки. Где я? Что это за мир? И что теперь будет?

Трава рядом со мной вдруг пошевелилась и с тихим хлопотным звуком ушла вниз, обнажив участок черной, маслянистой трясины. Я отползла, сердце заколотилось. Поляна была небезопасна. Она медленно, но верно засасывала все, что на ней находилось. Страх, холодный и отчетливый, наконец пробился сквозь завесу эйфории. Я вскочила на ноги, готовая бежать, но не знала куда. Я была абсолютно одна, голая и беспомощная, в незнакомом умирающем мире.

И тут я услышала шаги.

Глава 2

Элориэль

Дни в Эридии сливались в единую, безрадостную полосу. Небо, проглатывая последние лучи угасающего солнца, окрасилось в грязно-багровые тона, словно мир истекал кровью из открытой раны. Я стоял на краю обрыва, наблюдая, как тени удлиняются и поглощают остатки света. Воздух, как всегда, был густым и тяжелым, с привкусом пепла и окисленного металла — привычный вкус упадка. Мои мысли блуждали по замкнутому кругу: распадающиеся заклинания, руины городов, чьи имена уже стерлись из памяти, и тихий, непрекращающийся гул умирающей магии. Она уходила, как вода в песок, и с каждым днем я чувствовал это все острее — сквозь собственную иссохшую силу, сквозь трещины в земле и в самой реальности. Внезапно ледяная игла чужеродной энергии вонзилась мне в сознание, вырвав из мрачного транса.

Я чувствовал всплеск задолго до того, как увидел его источник. Резкий, как удар хлыста, визг чужеродной магии разорвал унылую гармонию упадка. Это было похоже на чистую ноту, спетую в гниющем склепе. Невыносимо ярко. Невыносимо чуждо. Мой внутренний компас, всегда настроенный на искажения магического поля Эридии, указал направление. К Трясинным полям. Ирония судьбы. Место, где

мир особенно старательно расплзается по швам, породило нечто новое.

Путь через Трясинные поля был привычным маршрутом патрулирования, но сегодня каждый шаг давался с трудом. Воздух, насыщенный гниением, вибрировал от недавнего выброса энергии, словно после грома. Моя собственная магия, обычно инертная и подчиняющаяся лишь воле, сейчас клокотала и металась, реагируя на эхо того всплеска. Это было похоже на фантомную боль в ампутированной конечности — воспоминание о силе, которой больше не существовало. Я шел, почти не глядя под ноги — тело помнило каждый безопасный камень, каждый островок твердой почвы в этом море гниющей плоти мира. Мысль отвернуться и уйти, оставив этот аномальный всплеск на произвол судьбы, была не трусостью, а холодной, расчетливой логикой выживания. Вмешиваться — значило нарушить хрупкое равновесие распада, привлечь внимание того, что пряталось в глубине трясин. Но та самая искра, что когда-то заставила меня дать Клятву — не людям, не богам, а самому камню и ветру Эридии, — тлела даже под пеплом столетий. Она и вела меня сейчас вперед, сквозь чахлый лес, к эпицентру бури, которая могла оказаться как последней надеждой, так и новым проклятием.

Я двинулся бесшумной тенью, привыкший к тому, что камни крошатся под ногами, а деревья шелестят высохшей листвой, словно костями. Этот мир медленно умирал, и я

был его свидетелем. Хранителем руин. И увидел ее.

Она стояла на поляне, голая, с развевающимися на лиловом ветру медными волосами. Ее кожа, не тронутая чахлой серостью Эридии, казалась ослепительно белой, почти сияющей. Она была живым воплощением того всплеска. Не видела, что земля под ногами живая и жаждет плоти. Я наблюдал, как она в ужасе отскакивает от внезапно разверзшейся трясины. В ее движениях была грация дикого зверька, но не было никакого смысла. Никакой магической защиты. Она просто смотрела по сторонам, ища спасения, которого здесь не могло быть.

Часть меня, та, что давно смирилась с неизбежным, советовала просто развернуться и уйти. Еще одна смерть в мире, полном смертей. Что изменится? Но другая часть — та, что когда-то давала клятву хранить то, что осталось — сжалась в комок. Этот всплеск... эта чистота... Ангел Истока, неужели это то, о чем говорили пророчества? Она сделала неверный шаг, и ее нога по щиколотку ушла в черную жижу. Раздался тихий, полный отчаяния вскрик. Мыслей больше не было. Было действие. Я сорвался с места. Трясина уже тянула ее вниз, с жадным чавканьем обнимая ее голень.

— Не двигайся! — крикнул я, и мой голос прозвучал хрипло от долгого неиспользования.

Ее глаза, широкие и зеленые, как молодая листва, которую я не видел веками, уставились на меня в животном ужасе. Она замерла.

Я нашел твердый участок, послал немного магии — жалкую искру того, что когда-то было могучей силой — чтобы на мгновение укрепить грунт перед ней. Хватило на то, чтобы сделать два шага. Я схватил ее за руку. Ее кожа обожгла меня своим теплом. Она легкая. Я рывком выдернул ее из трясины, которая с негодующим хлюпаньем отпустила свою добычу. Она врезалась в меня, вся дрожащая, испачканная черной грязью. Ее тело прижалось к моему, и я почувствовал это снова — тот самый визг чистой магии, но теперь приглушенный, смешанный с ее страхом и теплом ее кожи. Моя собственная, иссохшая магия, отзывалась на ее прикосновение глухим, болезненным стуком, словно ожившим нервом под мертвой плотью. Она пыталась что-то сказать, захлебываясь, ее пальцы впились в мою одежду.

— Молчи, — отрезал я, сбрасывая с плеч свой плащ и закутывая ее с головой. — Двигаться нельзя. Только я.

Завернув ее в кокон, я подхватил ее на руки. Она не сопротивлялась, просто прижалась ко мне, вся напряженная, и тихо плакала. Ее дыхание было горячим у меня на шее.

Я понес ее прочь от этого гиблого места, чувствуя, как сквозь ткань плаща жжет меня ее тело. Это притяжение было тревожным. Неизбежным. Кто ты, дитя иного мира? Предвестник конца или того, что будет после? Впереди, на уступе скалы, темнели руины моего убежища — последнее место, что я мог назвать домом. Туда. Пока что — туда.

Глава 3

Бран

Сколько лун прошло с тех пор, как эльф заточил меня здесь? Я давно перестал считать. Время в каменном мешке текло иначе — не днями и ночами, а приступами боли от магических оков и редкими визитами моего тюремщика. Он приходил, молча ставил миску с водой и кусок грубой лепешки, иногда что-то бормоча себе под нос на своем изысканном, мертвом языке. Я делал вид, что сплю, но сквозь прищур следил за каждым его движением, выискивая слабость, момент небрежности. Ее не было. Он был точен и холоден, как механизм. В перерывах между его визитами я предавался воспоминаниям. О лесах, что когда-то были полны жизни, о запахе хвои после дождя, о свободе бега на всех четырех лапах, когда ветер свистел в ушах. Теперь от тех лесов остался лишь прах, а я стал реликвией, диковинным зверем в коллекции последнего мага умирающего мира. Я ненавидел его не только за плен, но и за это — за то, что он заставил меня стать напоминанием о том, чего больше нет.

Камень холодный. Всегда холодный. Он впитывал тепло, высасывал силы. Но я не сдавался. Я выдыхал пар в темноту, и он рассеивался под потолком моей клетки. Я ненавидел потолок. И стены. И прутья, что пахнут горькой магией. Они жгут кожу, если прикоснуться надолго. Я ненавижу

его. Эльфа. Холодного, молчаливого. Он принес меня сюда. Сказал, что изучает «упадок». Изучает, как мирдохнет. Как ядохну в этой каменной норме.

Иногда, в особенно долгие часы, я позволял себе снова принять свой человеческий облик. Это было мучительно — чувствовать, как уродливая прямота костей сковывает движения, как тупая кожа на подушечках ладоней теряет чуткость. Но в этой форме ум работал иначе, не заму́тненный звериной яростью. Я мог анализировать. Запоминал звук поворота ключа в замке, скрип каждой половицы за дверью, отдаленные шумы из верхних этажей. Я составлял в ухе карту этого места, этого склепа. Я знал, что эльф почти не спит. По ночам доносился мерный гул его голоса — он читал заклинания, пытаясь вдохнуть жизнь в умирающие артефакты. Я чувствовал, как от этих попыток содрогается магическое поле крепости, словно от предсмертных судорог. Это рождало во мне злорадное удовлетворение. Он, всезнающий и могущественный, был так же бессилен перед концом, как и я, зверь в клетке. Мы оба были пленниками Эридии, просто моя тюрьма была теснее. И вот, вползая в очередную ночь, в самый унылый час перед рассветом, когда даже камни, казалось, замирали в отчаянии, я уловил его. Новый запах. Он ворвался в мое сознание не как отдельная нота, а как целая симфония, как взрыв света в крошечной тьме.

Я ворочался на соломе, которая воняет плесенью. В получеловеческом облике — так проще, меньше магии тратится,

меньше жжет прутья. Но когти все еще торчат из пальцев, и я царапаю ими камень пола. Оставляю метки. Чтобы помнили, что я здесь. Что я жив. Потом я замер. Нос вздрогнул. Явь? Или сон? Воздух, несущийся из щели под дверью, изменился. Пахло пылью, тленом, застоялой магией эльфа... и чем-то еще. Чем-то новым.

Я поднял голову, вдыхая полной грудью, раздувая ноздри. Ловя тончайшую нить. Цветочная пыльца после дождя. Теплая кожа. Чистый пот. И что-то... глубинное. Ядро. Как спелый плод, полный сладкого сока. Внутри все сжалось, потом взорвалось жаром. Это... Это...

Мгновение — и я уже стоял на четырех лапах в своей второй форме. Шерсть встала дыбом вдоль хребта. Из горла вырвался низкий, протяжный рык, который я не мог сдержать. Клетка вибрировала. Это она. Та, чей запах сводит с ума. Чей запах значит... Все. Мое. Ключ. Судьба. Воздух.

Инстинкты режут, требуя вырваться, найти, обнюхать, прикоснуться. Защитить. Пометить. Я бросился на прутья, и магия ударила меня током, отбрасывая к стене. Боль острая, знакомая. Но сегодня она не останавливает. Сегодня она — просто досадная помеха.

Я снова кинулся вперед, уже не в ярости, а с холодной, хищной целеустремленностью. Стал царапать пол, готовясь к прыжку. Дверь. Слабое место. Замок, не камень.

Услышал его шаги. Эльф. Он нес ее. Мой нос не врет. Она рядом. Ее запах смешивается с его — это сводит с ума еще

сильнее. Ревность, острая и ядовитая, впивается когтями в глотку. Он прошел мимо. Вверх, по лестнице. В свои покои. Я остался в темноте, вся шкура горела, мускулы играли под ней, как натянутые тетивы. Я услышал, как где-то там хлопнула дверь. Наступила тишина.

Отступил в самый тень клетки, сливаясь с ней. Мои глаза горели в темноте. Язык чувствовал на губах вкус ее воздуха. Он думает, что клетка удержит. Он думает, что я зверь, которого можно приручить голодом и холодом. Он не понимает. Он принес сюда не просто диковинку. Он принес мою причину. Мой смысл дышать. Мою погибель и мое спасение. Я закрыл глаза и снова вдохнул. Запомнил. Ее запах теперь живет во мне. Он будет моим компасом. Клетка не удержит.

Глава 4

Искра

Я лежала на чужой кровати в чужой комнате и пыталась дышать ровно. Воздух здесь был густым, пыльным, пах старыми книгами и сухими цветами. Как в заброшенной оранжерее. Свет фильтровался сквозь высокое узкое окно, падал на стену. И на трещину. Длинную, зигзагом, будто молния, застывшая в камне. Я провела взглядом по ней, искала начало и конец, но не нашла. Она просто была. Часть этого места. Часть этого мира, который, как сказал тот эльф... умирал. Элориэль. Он назвал свое имя, когда принес меня сюда. Бросил его, как камень, и замолчал. Принес воды, какую-то безвкусную пасту из зерна, оставил у двери грудку одежды. Смотрел на меня так, будто я инопланетный организм, которого он вот-вот решит препарировать. Холодный. Отстраненный. Но в его прикосновении, когда он тащил меня из той трясины, была сила. И сейчас, когда он ушел, моя рука все еще помнила жар его пальцев.

Я села, и плащ, в который он меня завернул, сполз. Воздух коснулся кожи, и я снова вздрогнула. Это тело... оно все еще казалось мне чужим. Слишком чувствительным. Каждый мускул ныл от усталости, но кожа жила своей собственной, лихорадочной жизнью. Я осторожно тронула пальцем собственное запястье. Легкая дрожь побежала по руке. Безу-

мие. Меня зовут Искра. Это единственное, что осталось от меня прежней.

Я подошла к груде одежды. Простые полотняные штаны, слишком длинные, и туника из грубой ткани. Оделась. Ткань царапала соски, и я закусил губу. Концентрация — вот что мне было нужно. Как на сложной операции. Дышать. Наблюдать. Выживать.

Я вышла в коридор. Дворец... или что это было... оказался огромен и пуст. Под ногами скрипел песок, нанесенный ветром. Сквозь дыры в сводах было видно лиловое небо. Тишина давила на уши. Не было голосов, не было шагов, не было жизни. Только шелест чего-то сухого, перекачиваемого ветром.

Я вернулась в комнату. Темнело. В углу на подставке мерцал кристалл, излучая тусклый, холодный свет. Его сияние было неровным, будто он с трудом боролся с наступающей тьмой. Легла, укрылась тонким одеялом, и просто смотрела на трещину на стене, пока она не начала расплываться в глазах. Заснула. Мне приснилась авария. Вспышка фар. Не боль, а удар. Толчок.

Я проснулась от того, что в комнате кто-то был. Он стоял в дверном проеме, залитый лунным светом из окна. Элориэль. Серебристые волосы казались жидким металлом, черты лица — резкие, отточенные. Он смотрел на меня. Мне показалось, он не дышал.

— Ты не спишь, — сказал он. Его голос был тихим, без

эмоций.

Я молча покачала головой, приподнявшись на локте. Оде-
яло сползло.

— Я должен быть уверен, — произнес он, делая шаг
внутрь. — Магия твоего мира... она может быть заразной.
Опасной для того, что осталось.

Он подошел совсем близко. От него пахло холодным кам-
нем и чем-то горьким, как полынь.

— Я не чувствую в тебе зла. Но я должен проверить.

Его рука поднялась. Пальцы были тонкие, длинные. Он не
касался меня. Держал ладонь в сантиметре от моего лба. Я
почувствовала... покалывание. Легкий электрический раз-
ряд, бегущий по коже. Мои волосы на руках встали дыбом. А
потом что-то щелкнуло. Не в воздухе. Внутри меня. Глубоко
в груди, где-то за ребрами, будто лопнула невидимая стру-
на. Я вздрогнула всем телом. Его глаза расширились. Его ма-
гия... она не была чужой. Она была как ключ, подобранный
к замку, о котором я не знала. Он чувствовал это тоже. Его
холодная маска дала трещину. В его взгляде появилось что-
то голодное, изумленное. Его пальцы все же коснулись мое-
го виска. Тепло растеклось от его прикосновения по всему
телу, разлилось горячей волной по жилам. Я услышала, как
сорвалось мое дыхание. Его пальцы скользнули по щеке, к
шее, коснулись ключицы. Кожа под его рукой горела. Он на-
клонился. Его дыхание смешалось с моим. В его глазах бу-
шевал тайфун. Борьба. Любопытство. Жажда.

— Ты... — произнес он это слово с придыханием, словно делая открытие.

Я не могла отвести взгляд. Не могла отодвинуться. Это было безумие. Он был чужой. Этот мир был чужой. Но мое тело, это новое, предательское тело, кричало, что это — единственное, что было по-настоящему правильным с момента моего пробуждения. Он поцеловал меня.

Это был не нежный поцелуй. Это был захват. Вопрос и ответ одновременно. Его рука на моей шее, пальцы впелись в мои волосы. Его магия ударила по мне, как ударная волна, и моя... моя отозвалась. Вспыхнула из того самого места, где щелкнуло. Я ответила на поцелуй. Глупо, безнадежно, отчаянно. Мои руки сами нашли его плечи, вцепились в ткань его одежды. Он сбросил одеяло. Его ладонь скользнула по моему ребру, к животу, к бедру. Грубая ткань туники казалась невыносимой преградой. Он оторвался от моих губ, его дыхание было прерывистым. Он смотрел на меня, будто пытаясь разгадать последнюю загадку мира. Потом его губы прижались к моей шее, к ключице. Его язык был горячим на моей коже. Я закинула голову назад, потеряла опору, упала на подушки. Он последовал за мной, его вес прижал меня, и это... было правильно. Это был якорь в этом безумном мире. Единственная реальная, осязаемая вещь. Он не сказал больше ни слова. Только касался. Его магия плела вокруг нас невидимую паутину, и я вся горела в ее узлах. Я отдавалась ощущениям. Страху. Жажде. Невероятному, дикому облег-

чению. Я была не одна. И я была жива.

Глава 5

Элориэль

Тишина после бури всегда была обманчива. Я лежал на спине, глядя в темноту, и слушал ее дыхание. Ровное, глубокое, доверчивое. Искра. Имя, которое она прошептала мне в промежутке между поцелуями и сном. Оно звучало странно, угловато для слуха, но на ее языке оно, должно быть, означало что-то хорошее. Нечто столь же теплое и живое, как и она сама.

Ее тело было расслаблено, прижатое ко мне боком, голова на моем плече. Рука лежала у меня на груди, ладонью вниз. Я чувствовал исходящее от нее тепло, тот самый ровный, спокойный жар, который не обжигал, а согревал изнутри. Ее магия, теперь знакомая и почти родная, тихо пульсировала в такт нашему дыханию, сплетаясь с моей собственной, уставшей и истощенной. Она была подобна чистому роднику, забившемуся в высохшем русле. И я, изможденный путник, не мог оторваться, боялся, что это мираж.

Но это было реально. Ее кожа под моей ладонью была реальна. Ее запах — смесь ее собственного, незнакомого аромата и моего — был реальностью. И та пустота, что зияла во мне веками, вдруг... сжалась. Не исчезла. Но ее края стали менее острыми.

Я осторожно, чтобы не разбудить ее, высвободился из ее

объятий и встал с постели. Холодный камень пола обжег босые ступни, возвращая к суровой реальности. Я подошел к столу, заваленному свитками и пыльными фолиантами — немymi свидетелями моих безуспешных попыток понять, как остановить неизбежное. Рука сама потянулась к самому старому из свитков. Кожа была потертой, шершавой, завязки едва держались. Я развернул его, уже не глядя на выцветшие строки. Я знал их наизусть. Каждое слово, каждую метафору, каждую туманную угрозу.

«Когда мир отсыхает, как лист на ветру, и магия истекает последней кровью из его жил, явится Дитя Истока, рожденное за пределами упадка. Чистое сердце, не знавшее тлена, станет ключом к пяти вратам. Только пройдя Испытания Стихий, лишь соединив три судьбы воедино, обретет мир надежду на рассвет...»

Я всегда читал это как красивую метафору. Миф, призванный утешить умирающих. Последнюю сладкую ложь перед концом. Я искал «Дитя Истока» в артефактах, в забытых заклинаниях, в глубинах памяти мира. Я искал все что угодно, только не... не живую женщину. Не ее.

Я обернулся, чтобы посмотреть на нее. Лунный свет выхватывал из темноты изгиб ее плеча, раскиданные темной медью волосы. Она потянулась во сне, ища меня, и, не найдя, хмуро сморщилась, затем снова погрузилась в сон.

Три судьбы. Я всегда считал, что это поэтический оборот. Но теперь... Теперь я чувствовал это. Нашу связь, ее и мою.

И ту третью. Дикую, яростную, запертую внизу. Брана. Его ярость, его голод, его животную мощь. Он тоже был частью этого. Его магия, грубая и необузданная, была полярной противоположностью моей, но так же отзывалась на ее присутствие. Как будто мы были двумя половинками одного целого, которое не могло существовать без центра. Без нее.

Мысль была отвратительна. Делиться? С ним? С оборотнем, который едва ли способен на связную мысль? Но пророчество не оставляло выбора. «Соединив три судьбы воедино». Оно не говорило «две судьбы и примкнувший к ним».

Я с силой провел рукой по лицу. Долгие века я нес это бремя в одиночестве. Наблюдал, как угасают краски, как трескается земля, как забываются заклинания. Я был последним стражем руин, и это знание было моим крестом и моей карой. А теперь... теперь мне предлагали не просто надежду. Мне предлагали кошмар. Доверить судьбу мира, свою судьбу, ее судьбу — прихотям оборотня-барса и древнему тексту, в котором я мог и ошибаться.

Я подошел к окну. Лиловое небо начинало светлеть у горизонта, предвещая очередной унылый день. Где-то там, за пределами этих стен, лежали Испытания. Сердце-Древо, что, по слухам, еще дышало в Гнилом Лесу. Зеркальные Озера, что показывали самое сокровенное. Пылающий Круг в Пустоши. Парящие Мосты. И Сердце Мира. Путь был долг и смертельно опасен. И вести туда ее... вести ее навстречу этой опасности... Она пошевелилась за моей спи-

ной. Я услышал, как перехватило дыхание, как она села на кровати.

— Элоризель? — ее голос был хриплым от сна, полным тревоги.

Я обернулся. Она сидела, укутавшись в простыню, и смотрела на меня большими зелеными глазами. В них читался вопрос. Страх быть оставленной. И в этот миг все мое сопротивление, все сомнения рухнули. Я не мог оставить ее. Не мог позволить этому миру забрать ее. Она была последним шансом. Моим последним шансом.

— Собирайся, — сказал я, и мой голос прозвучал тверже, чем я ожидал. — Мы отправляемся в путь.

Она нахмурилась, все еще не понимая.

—Куда?

— Туда, где, возможно, еще бьется сердце этого мира, — я подошел к столу и стал сворачивать самые необходимые свитки. — Нам предстоит пройти пять Испытаний. И без тебя... без тебя у нас нет никакой надежды.

Я посмотрел на нее, давая ей понять всю серьезность своих слов. Она медленно кивнула, в ее глазах зажегся огонек решимости, смешанный со страхом. Но не с отступлением. Никогда с отступлением.

— Хорошо, — просто сказала она. И этого было достаточно.

Бремя все еще лежало на моих плечах. Но теперь я нес его не один.

Глава 6

Бран

Запах. Ее запах. Он висел в воздухе моей клетки, густой и навязчивый, как самая сладкая отравы. Он сводил с ума. Он будил во мне то, что я давно запрятал глубоко — не просто зверя, а нечто большее. Острую, режущую тоску по чему-то, чего у меня никогда не было. По тому, что должно было быть моим.

Я бился о прутья снова и снова, пока шкура не запеклась кровью, а магия не выжгла до кости. Боль была ничто. Пустошь. По сравнению с ее отсутствием — это было ничто. Эльф увел ее наверх, в свои каменные покои, и запах их обоих, спутанный, смешанный, вызывал в горле ядовитый привкус ревности. Он трогал то, что принадлежало мне. Дышал ее воздухом. Я выл. Долгий, тоскливый звук, полный ярости и бессилия, эхом разносился по подземелью. Но никто не пришел. Эльфу было плевать. Он получил то, что хотел.

Но сегодня все было иначе. Сегодня ее запах изменился. В нем появились нотки страха, металлический привкус опасности. Они уходили. Они собирались бросить меня здесь, в этой каменной могиле. НЕТ!

Этот крик родился где-то в самой глубине, вырвался наружу не звуком, а взрывом чистой, ничем не сдерживаемой воли. Я не просто рванулся вперед. Я сконцентрировал в се-

бе всю ненависть, всю боль, всю ярость этих долгих дней заточения и выпустил ее в точку — в старый, проржавевший замок на двери клетки. Раздался оглушительный треск. Не магии эльфа — той, что сковывала меня — а грубой силы. Металл согнулся, не выдержав напора. Прутья с визгом отошли в сторону. Я выпал из клетки, кубарем покатился по каменному полу и встал на четыре лапы, отряхиваясь. Воздух в коридоре пах свободой. И ею.

Я не стал тратить время. Мой нос вел меня, как самая верная нить. Вверх, по лестницам, мимо пустующих залов. Я двигался бесшумной тенью, сливаясь с тенями, мои лапы не издавали ни звука на камне. Весь дворец знал, что я на свободе. Стены вибрировали от моего торжества. Пыль оседала, испуганная моей яростью. Их запах становился все сильнее. Он вел меня к большим дубовым воротам, которые были приоткрыты. На пороге я замер, втягивая воздух. Они. Совсем недавно здесь были они. Эльф... и она. Ее след был ярким, горячим шрамом на земле. Я вышел наружу. Свет ударил по глазам, заставив щуриться. Лиловое небо, мертвые деревья, увядшая трава. И далеко впереди — две фигуры.

Он шел впереди, его серебристая голова была высоко поднята, спина прямая. А она... она шла за ним, оглядываясь через плечо. Как будто ждала чего-то. Или кого-то. Ее взгляд скользнул по пустой поляне и вдруг... остановился на мне. Она замерла. Ее глаза расширились. Не от страха. Нет. В них было узнавание. Шок. И что-то еще, от чего мое сердце уда-

рило в ребра с новой силой. Эльф обернулся, почуяв неладное. Его лицо исказилось холодной яростью.

- Искра! Встань за мной! - он резко оттолкнул девушку за себя, и его рука легла на эфес меча. — Назад, тварь! — его голос прозвучал, как удар хлыста. — Возвращайся в свою клетку, пока я не прикончил тебя!

Я ответил ему низким, предупреждающим рыком. Моя шерсть встала дыбом. Я медленно, крадучись, стал сближаться. Мой взгляд был прикован не к нему. К ней. Только к ней.

— Стой! — крикнул он, и из его руки вырвалась вспышка сияющей магии. Она ударила в землю передо мной, подняв облако пыли и гари.

Я отпрянул, огрызаясь. Больно не было, но это было предупреждение. Очередная попытка поставить меня на место. Девушка крикнула что-то, пытаясь броситься вперед, но он удержал ее рукой. И тут это случилось. То, чего не мог предвидеть ни я, ни он. Когда он выпустил свою магию, а я ответил на это своим рыком моментально превратившись в человека, наша энергия — его холодная и упорядоченная, моя дикая и хаотичная — столкнулась в воздухе. И вместо того чтобы нейтрализовать друг друга, они... завихрились. Запутались. И потянулись к ней. Ее звали Искра и она была моей истинной.

Невидимый кнут из сплетенной магии ударил нас всех троих. Я почувствовал, как что-то щелкнуло внутри, прико-

вывая меня к ним прочнее любых цепей. Эльф аж подско-
чил от неожиданности, а Искра вскрикнула, схватившись за
грудь.

Наступила тишина. Мы смотрели друг на друга — я, он,
она. И мы все чувствовали это. Новую связь. Узкую, болез-
ненную, невероятно прочную. Магический узел, который не
позволял уйти, не позволял причинить вред, заставлял оста-
ваться вместе.

Элориэль с ненавистью посмотрел на меня. Его пальцы бе-
лели на эфесе меча. Он понимал. Он чувствовал то же, что
и я. Мы были в ловушке. Втроем. Я медленно выпрямился
во весь рост, все еще не сводя с него взгляда. Потом фырк-
нул, выплюнув на землю сгусток крови и ярости. Угроза бы-
ла очевидна. Он не опустил меч, но его рука дрогнула. Он то-
же понял. Бой сейчас мог уничтожить нас всех. И ее в первую
очередь.

Искра осторожно высвободилась из-за его спины. Она
смотрела то на него, то на меня. В ее глазах не было страха
теперь. Было смятение. Любопытство. И та самая, пьянящая
жажда жизни, что сводила меня с ума.

— Что... что это было? — тихо спросила она.

— Проклятие, — прошипел эльф, не отводя от меня
взгляда.

— Или благословение, — хрипло выдохнул я, впервые об-
ращаясь к ней напрямую. — Теперь мы связаны. Навсегда.

Я сделал шаг вперед. Он напрягся, но я прошел мимо него,

подошел к Искре и остановился в двух шагах. Я вдыхал ее запах, чистый и ясный, сквозь вонь магии и пыли.

— Я пришел за тобой, — сказал я, глядя только на нее.
— Никто не запрет меня снова.

И я повернулся, чтобы идти рядом, готовый к пути. К любой борьбе. К чему угодно. Теперь я был там, где должен был быть.

Глава 7

Искра

Мы шли. Элориэль — впереди, его спина была напряженным, оскорбленным жестом. Бран — сзади, его присутствие ощущалось спиной, горячим, животным дыханием в затылок. А я — между ними, разрываемая на части невидимыми нитями, которые связывали нас все туже с каждым шагом. Это было физическое ощущение — та самая магическая узда, что сдавила нас тогда у ворот. Я чувствовала ее как легкое, постоянное давление в груди, как два противоположных тока, тянущих в разные стороны. От Элориэля исходила холодная, упорядоченная волна — четкий, размеренный ритм, похожий на биение ледяного сердца. От Брана — жаркий, хаотичный пульс, грозивший вырваться из-под контроля в любой момент. А я была где-то посередине, и мое собственное, новое, незнакомое тепло пыталось сбалансировать их, слиться и в то же время не дать им разорвать меня пополам. Мы не разговаривали. Что можно было сказать? «Извините, что вынуждены терпеть друг друга ради спасения мира»? Звучало как шутка. Плохая шутка.

К вечеру мы вышли на опушку леса, который Элориэль мрачно назвал Гнилым. Название соответствовало. Деревья стояли голые, искривленные, их кора покрыта странным серым лишайником. Воздух пах гнилью и влажной землей. Бы-

ло жутко.

Элориэль нашел неглубокий грот под нависшей скалой — достаточно укрытия от набирающего силу ветра. Он развел на входе магический огонь — маленький, холодный огонек, который не давал тепла, но, как он сказал, отпугивал «ночную живность». Я не стала спрашивать, что это за живность. Он молча дал мне кусок пресного хлеба и ломтик какого-то вяленого мяса. Бран проигнорировал протянутую пищу, отвернулся и улегся на землю в дальнем углу грота, свернувшись клубком. В темноте его глаза светились двумя зелеными точками, пристально наблюдавшими за мной. Элориэль сел у входа, положив меч на колени, его профиль был резок и непроницаем в свете звезд.

Я съела свой скудный ужин, свернувшись калачиком на постеленном плаще и попыталась уснуть. Это было безнадежно. Тело ныло от усталости, но разум метался, цепляясь за ощущение этой связи, за их противоречивые присутствия. И тогда я почувствовала это. Сначала легкое покалывание в груди, там, где был тот самый узел. Потом тепло, разливающееся по жилам. Магия. Не моя. Их. Она текла ко мне, сплеталась, и моя собственная отвечала ей, как струна, которую задела. Темнота заколебалась, заструилась. Я уже не просто лежала на холодной земле. Я парила в каком-то странном, лишенном формы пространстве. Потом возникли образы.

Сначала — Элориэль. Но не холодный и отстраненный. Его руки на моей коже были нежными, почти робкими. Его

губы не требовали, а спрашивали. Мы были в его комнате, но комната была наполнена не трещинами, а мягким, золотым светом. Он что-то говорил мне на ухо, тихо, на том мелодичном языке эльфов, и я понимала каждое слово. Его магия обволакивала меня, как шелк, ласкала изнутри, и я таяла, растворяясь в нем... Картина дрогнула и распалась.

Затем появился он. Бран. Его шершавые ладони держали меня так крепко, что было больно, но это была приятная боль. Мы были не в гроте, а в глухом лесу, под открытым небом. Он не говорил. Он рычал. Низко, глубоко, и этот рык отзывался вибрацией во всем моем теле. Его магия была не обволакивающей, а захватывающей. Грубой, дикой, всепоглощающей. Она не спрашивала разрешения. Она брала. И я... я отдавалась. А потом... потом они были оба.

Я не понимала, как это возможно. Это было за гранью реальности. Элориэль сзади, его длинные пальцы вплетались в мои, его губы на моем плече. Бран — передо мной, его горячий взгляд пригвождал меня, его руки держали за бедра. Их магии, ледяная и огненная, текли через меня, встречались, сплетались воедино, и я была проводником, центром, точкой, где они наконец-то не боролись, а соединялись. И это было... это было... Я проснулась от собственного стона. Сердце колотилось, как бешеное. Вся кожа горела, будто меня действительно касались десятки рук. Между ног была влажно и пульсирующе. Дыхание срывалось.

Я лежала неподвижно, боясь пошевелиться. Грот был по-

гружен в тишину. Холодный огонек у входа все так же мерцал. Элориэль сидел в той же позе, но его голова была слегка наклонена, как будто он прислушивался к чему-то. Или чувствовал что-то. Его взгляд был устремлен в темноту, но я видела напряжение в его плечах. А сзади... сзади я чувствовала на себе тяжелый, горячий взгляд. Я медленно, почти боясь, повернула голову.

В свете звезд, пробивавшемся в грот, я увидела его глаза. Бран не спал. Он сидел, обхватив колени, и смотрел прямо на меня. Его зеленые глаза сверкали. В них не было ярости. Не было злобы. В них было... знание. Голодное, дикое, всепоглощающее знание. Он видел мой сон. Чувствовал его. И он отвечал на него тем же немым вызовом.

Я резко отвлекла взгляд, чувствуя, как горит лицо. Боги. Это было не просто сновидение. Это было что-то настоящее. Что-то, что происходило между нами на уровне, недоступном словам. Я сглотнула комок в горле и попыталась унять дрожь в коленях. Элориэль обернулся. Его взгляд скользнул по моему покрасневшему лицу, по моим сведенным плечам, потом перешел на Брана. Между ними пробежала молчаливая, напряженная искра понимания. Они оба знали. Оба чувствовали.

Я закрыла глаза, стараясь дышать глубже, но это не помогало. Образы снова и снова всплывали передо мной, заставляя кровь бежать быстрее. Мы были связаны. Не только магией. Не только общей целью. Чем-то гораздо более глубо-

ким, темным и постыдным. И самым ужасным было то, что мне это нравилось.

Глава 8

Элориэль

Она видела сны. Я чувствовал их отголоски, как далекие раскаты грома за горизонтом, как дрожь в том самом магическом узле, что связал нас воедино. Волны смущения, стыда, животного возбуждения доносились до меня от Искры, горячие и хаотичные. А в ответ на них — глухой, ответный рев желания от того, кто сидел в темноте, словно голодный хищник, пробуждающийся от долгой спячки. Эта связь была живым, дышащим существом, паразитом, пустившим корни в наши души, и каждую ночь она цвела ядовитыми, пьянящими цветами. Я не просто чувствовал отголоски — я был вынужден становиться соучастником, незванным гостем на самом интимном пиршестве, где подавали мою собственную боль, мою ревность и то темное любопытство, что я в себе подавлял.

Я сидел у входа, вглядываясь в ночь, но видел не мертвый лес, а бурю внутри. Мои пальцы бессознательно сжимали эфес меча, впиваясь в узорчатую кожу рукояти так, что казалось, вот-вот треснет кость. Я желал одного — пронзить сталью эту дикую, примитивную связь, что зарождалась между ними помимо моей воли. Вырвать ее с корнем. Но я не мог. Узел был прочнее стали. И, что хуже всего, часть меня — та, что я старался подавить веками, — откликалась на этот ха-

ос. Ее сны коснулись и меня. Образ ее тела, изгибающегося не под моими, а под его грубыми лапами, вызывал не только ярость. Жгучую, постыдную ревность. И... интерес. Глубокий, темный, как само это проклятие. Этот интерес был подобен древнему инстинкту, дремавшему в самой глубине моего существа, тому, что я пытался скрыть под слоями цивилизации и самоконтроля. Теперь же он пробуждался, шевелясь, как гадюка под камнем, напоминая, что я не так далек от этого дикаря, как хотел бы думать. Эта мысль была отвратительна и одновременно пленяла своей свободой, своим чистым, необузданным естеством, против которого я тщетно боролся все эти долгие, одинокие годы. Я был пленником не только этого леса, но и самого себя, и эта новая ловушка оказалась куда изощреннее и мучительнее любой каменной темницы.

Когда первые лучи утреннего света, бледные и больные, тронули горизонт, окрасив небо в грязные тона угасания, я поднялся. Мое движение было резким, словно я сбрасывал с себя оковы ночи, эти невидимые цепи, что сковывали меня куда надежнее железа.

— Вставайте, — мое слово упало, как камень, разбивая напряженное молчание, повисшее между нами тяжелым, липким покрывалом. — Мы теряем время.

Искра вздрогнула и села, избегая моего взгляда, ее пальцы судорожно вцепились в край плаща, будто ища в нем спасения. Ее щеки пылали румянцем стыда, который, казалось,

был виден даже в этом тусклом свете. Бран поднялся молча, его движения были плавными, полными звериной грации, готовой в любой миг превратиться в смертоносный взрыв. Он всегда был готов к перевороту в барса и прыжку. Его глаза все так же пылали внутренним огнем, и в них читалось не просто желание, а вызов, брошенный лично мне, немой вопрос о том, кто я такой, чтобы стоять на пути природы. Мы двинулись в путь, погружившись в гнетущую тишину Гнилого Леса, которая была гуще и тяжелее любого шума. Воздух был густым и сладковато-приторным, им было тяжело дышать, он обволакивал легкие, словно сироп из гнили и отчаяния. Деревья, казалось, следили за нами своими сучковатыми, похожими на когти ветвями, и шептались за нашими спинами, перешептываясь на языке старых костей и увядших листьев.

Я шел впереди, прокладывая путь сквозь эту чашу отчаяния, мое сознание было напряжено до предела, сканируя округу на малейшие признаки опасности — шелест, тень, сдвинутый камень. Но самая большая опасность была позади. Я чувствовал ее — нарастающее напряжение между нами. Магнитное притяжение, которое грозило взорваться в самый неподходящий момент, уничтожив все наши хрупкие планы.

Каждый их вздох, каждый случайный взгляд, которым они обменивались, жгли мне спину, словно раскаленные иглы. Я был буфером, барьером между двумя стихиями, и каж-

дая секунда в этом аду ожидания стояла мне титанических усилий. Мои собственные демоны, разбуженные этой проклятой связью, рвались наружу, требуя участия в этом диком танце, и лишь многовековая воля, закаленная в горниле страданий, позволяла мне сохранять маску холодного безразличия, скрывая бурю стыда, гнева и запретного любопытства, что разъедала меня изнутри, как кислота.

К полудню мы достигли цели. Сердце-Древо стояло в центре небольшой прогалины, и вид его был одновременно величественным и удручающим, как вид умершего короля на троне, скипетр и держава которого обратились в прах. Оно было огромным, его ствол, темный и потрескавшийся, словно кожа древнего великана, уходил в лиловое небо, пронзая его своей немой мукой. Но его крона была почти гола, лишь несколько иссохших, черных листьев шелестели на ветру, словно погребальные звоны, отсчитывающие последние секунды чего-то великого. От него исходила аура древней силы, но сила эта была едва жива, как слабый пульс умирающего, который вот-вот должен был остановиться, унося с собой последнюю надежду этого места.

Вокруг ствола, обнаженные и похожие на скрюченные пальцы гигантского призрака, лежали гигантские корни. Они образовывали нечто вроде чаши, в центре которой зияла темная, уходящая вглубь земли расщелина, бездонная и молчаливая, словно вход в чрево самого мира, готового нас поглотить. Искра замерла, глядя на Древо с благоговейным

ужасом, ее глаза были широко раскрыты, отражая всю глубину нашего отчаяния и величие этой руины. Даже Бран притих, его ноздри раздувались, вдыхая запах древней магии и тлена, а в его глазах на мгновение мелькнуло нечто, похожее на понимание, на смутную память о чем-то, что было давно и безвозвратно утрачено.

—Что теперь? — тихо спросила Искра, и ее голос прозвучал хрупко, словно тонкое стекло, готовое треснуть от любого прикосновения.

—Теперь, — я повернулся к ним, и мое сердце сжалось от предстоящего, от тяжести того, что нам предстояло совершить, — Мы платим за вход. — Я указал на три самых крупных корня, расходящихся от центральной расщелины, словно лучи застывшей черной звезды. — Каждый должен прикоснуться к корню и отдать ему сокровенную память. Боль, которую вы носили в себе дольше всего. Только так Древо узнает нас и пропустит к своему Сердцу.

Они молчали. Бран нахмурился, не понимая, его сознание, простое и прямое, не было предназначено для таких тонких и болезненных манипуляций с душой. Искра побледнела, и я увидел, как по ее лицу пробежала тень страха — страха не перед физической болью, а перед необходимостью вывернуть свою душу наизнанку, обнажив самое уязвимое.

—Я...я не знаю, как это сделать, — призналась она, и в ее голосе послышалась мольба, обращенная ко мне, как к единственному, кто мог хоть что-то объяснить в этом кошмаре.

—Просто прикоснись, — сказал я, и мой голос прозвучал чуть мягче, чем я планировал, в нем прорвалась та капля жалости, что я все еще был способен испытывать. — И подумай о том, что болит. Оно сделает все само.

Я подошел первым. Мой корень был холодным и шершавым, как надгробная плита. Я закрыл глаза, и память нахлынула сама, старая, как сам я, отточенная временем до острых лезвия. Холод. Бесконечный, пронизывающий холод пещеры, где я нашел их. Моя семья. Мои родители, сестра. Они не были мертвы. Их глаза, когда-то полные света и мудрости, смотрели сквозь меня, не видя. Магия угасла в них, оставив лишь красивые, хрупкие оболочки. Они умирали не от ран, не от болезни. Они умирали от отсутствия мира. И я, самый молодой, самый слабый, не смог ничего сделать. Только смотреть. Только чувствовать, как лед страха и бессилия сковывает мое собственное сердце. Я бежал. Оставил их там. И с тех пор нес этот холод в себе.

Глава 9

Бран

Боль. Чужая боль. Она впилась в меня, как острый шип, когда я коснулся корня. Чужие воспоминания, чужие слезы. Они жгли изнутри. Я рванул ладонь назад, зарывав от ненависти и стыда. Вывернуть душу перед ними... перед ней... это было хуже любой клетки. Но потом я увидел ее. Она стояла на коленях, вся трясясь, лицо мокрое от слез. Ее боль, острая и внезапная, еще висела в воздухе. И боль эльфа, холодная, как лед в груди. Мы были одинаковые. Все трое. Израненные. Преданные. Одинокие. Эта мысль ударила сильнее любого воспоминания.

Скрип камня заставил вздрогнуть. Дыра в земле разверзлась, темная и пахнувшая сыростью. Эльф посмотрел туда, потом на нас. Его лицо было бледным, осунувшимся.

— Идем, — бросил он коротко и первым шагнул вниз по ступеням.

Я двинулся за ним, но не ради него. Чтобы быть между ним и ею. Чтобы видеть опасность первым.

Лестница вела глубоко под землю. Воздух становился густым, тяжелым. Пахло старой листвой, влажной землей и чем-то еще... горьким, лекарственным. Света почти не было, лишь тусклое свечение, исходявшее от самых стен, проросших тонкими, пульсирующими корнями. Сердцеви-

на. Мы пришли.

Пещера была огромной. В центре ее, уходя вверх и вниз, в темноту, стояло то же Древо, только здесь оно было живым. Его корни светились мягким зеленым светом, они оплетали все вокруг, пульсируя в такт медленному, тяжелому биению, что исходило из самой глубины. Воздух дрожал от этой вибрации. Это был стук сердца мира. Слабый, едва слышный, но еще живой.

Но вместе с жизненной силой от корней исходило и что-то другое. Волны густого, дурманящего жара. Он плыл по пещере, окутывал нас, проникал в легкие, в кожу. Магия Древа. Древняя, сильная. Она требовала платы за вход. Я почувствовал это первым. Легкое головокружение. Пульсация в висках. Потом жар. Он разлился по жилам, как раскаленный металл. Рядом со мной Искра пошатнулась и прислонилась к стене, тяжело дыша.

— Лихорадка, — сквозь зубы произнес эльф. Он тоже был бледен, на его лбу выступил пот. — Защитная реакция. Наша магия... она чужда для Древа. Оно пытается выжечь ее.

Он попытался сделать шаг, чтобы поддержать ее, но его ноги подкосились. Он рухнул на одно колено, с трудом упираясь руками в землю. Его собственная магия, всегда такая холодная и контролируемая, бурлила вокруг него видимым вихрем, пытаясь противостоять жгучим волнам. Он был слаб. Беспомощен. А жар нарастал. Искра сползла по стене на пол, ее тело сотрясала мелкая дрожь. Она стонала,

закидывая голову. Ее кожа покраснела.

— Холодно... — прошептала она, хотя по ней было видно, что она горит. — Так холодно...

Эльф попытался что-то сказать, поднять руку, но очередная волна жара заставила его согнуться от боли. Я смотрел на нее, на ее беспомощное тело, на ее страдание, и моя собственная боль, моя лихорадка отступили на второй план. Инстинкт. Чистый и ясный. Он не поможет. Его магия — это стены, порядок, контроль. А здесь нужна была дикость. Нужно было не бороться, а принять. Пропустить через себя. И согреть.

Я отшвырнул его в сторону. Не сильно, но достаточно, чтобы он отлетел к стене и замер, ошеломленный. Он что-то крикнул мне, но я уже не слушал. Я подошел к ней, опустился на колени. Она смотрела на меня расширенными, невидящими глазами.

— Уйди... — прошептала она. — Больно...

Я не ушел. Я прикоснулся к ее щеке. Ее кожа была обжигающе горячей. Она вздрогнула от моего прикосновения, но не оттолкнула. Моя магия не была похожа на его. Она не строила барьеров. Она была частью меня. Грубой, животной, телесной. Я собрал ее, не чтобы дать отпор жгучим волнам Древа, а чтобы... обнять ее. Окружить ее собой. Своим теплом. Своей силой. Я притянул ее к себе, и ее тело прижалось ко мне, обжигая через одежду. Она слабо попыталась отстраниться, но ее движения были вялыми, лишенными силы.

— Держись, — прохрипел я, и мои губы прикоснулись к ее виску. Она вздрогнула, и по ее коже побежали мурашки.

Мои пальцы нашли застежки ее одежды. Они дрожали, но не от слабости, а от яростного, всепоглощающего желания. Я должен был снять это. Должен был чувствовать ее кожу, ее жар. Должен был забрать ее боль себе. Ткань поддалась, и вот она передо мной — обнаженная, сияющая в зеленоватом свете пещеры. Ее грудь высоко вздымалась, соски были твердыми, темно-розовыми бутонами. Я склонился и взял один в рот, жадно, как голодный зверь. Она вскрикнула, и ее тело выгнулось. Но это был не крик боли. Нет. В нем прозвучало облегчение. Ее пальцы впились в мои волосы, не отталкивая, а притягивая.

— Да... — прошептала она, и ее голос был хриплым, чужим. — Бран... пожалуйста...

Ее слова ударили мне в пах, заставив кровь ударить в голову. Я сорвал с себя одежду, чувствуя, как моя собственная плоть горит, напряжена до боли. Я хотел ее. Не просто чтобы помочь. Я хотел ее всю, до последнего вздоха. Приподнял ее бедра. Ее ноги обвились вокруг моей спины. Я вошел в нее одним резким, мощным движением. Она вскрикнула, сжимаясь вокруг меня, принимающая меня с жадностью. Ее боль, ее жар, ее магия — все слились в этом мгновении, и я поглощал их, делая своими.

Я начал двигаться. Сначала медленно, входя глубоко, выходя почти полностью. Потом быстрее. Жестче. Ее зубы впи-

лись в мое плечо, приглушая ее собственные стоны. Я почувствовал, как стеночки начинают судорожно сжиматься. Ее тело напряглось, ее глаза закатились. Она была на краю.

— Кончай, — прошептал я ей, и мои пальцы находят тот маленький, напряженный бугорок между ее ног.

Ее крик разорвал пещеру. Она забилась в оргазме. Это высвободило и меня. Я зарычал, поднимаясь на вершину.

После, мы замерли сплетенные воедино, тяжело дыша. Ее тело обмякло подо мной, дрожа мелкими судорогами. Жар спал. От нее исходило ровное, спокойное тепло. Лихорадка прошла.

Я медленно вышел из нее и откинулся на спину, чувствуя, как адреналин отступает. Она перевернулась на бок и прижалась ко мне, пряча лицо у меня на груди. Ее дыхание выравнилось.

Я поднял глаза и увидел Элориэля. Он стоял у стены, бледный как смерть. Его кулаки были сжаты, а в глазах бушевал ураган из ярости, зависти и чего-то еще... чего-то темного и голодного. Он видел все. Я смотрел на него, и на губах у меня появился оскал. Пусть видит. Пусть знает. Она моя.

Глава 10

Искра

Жар отступил, оставив после себя странную, пронизывающую ясность. Я лежала под тяжестью Брана, его дыхание было горячим у меня на шее, его сердцебиение — ровным, мощным грохотом, заглушавшим все остальное. Его магия, грубая и животная, все еще пульсировала вокруг меня, внутри меня, смешавшись с моей собственной. Это было... целостно. Я не чувствовала себя оскверненной или использованной. Я чувствовала себя спасенной. Завершенной.

Я открыла глаза и увидела Элориэля. Он стоял в нескольких шагах, прислонившись к пульсирующему корню, и смотрел на нас. Его лицо было бледным, а глаза — темными безднами, в которых бушевала буря из ярости, унижения и... чего-то еще, чего я не могла понять. Но он не двигался. Не вмешивался. Он видел. И он знал.

Бран медленно приподнялся, его движение было плавным, полным уверенности. Он видел, что боль ушла. Он кивнул, коротко, почти по-деловому, и откатился от меня, вставая на ноги с легкостью большого хищника. Я поднялась, чувствуя легкость в теле, странную бодрость. Лихорадка не просто прошла — она очистила меня. Я посмотрела на свои руки — кожа казалась более гладкой, живой. Магия внутри меня пела, сильная и яркая.

— Теперь, — голос Элориэля прозвучал хрипло, он выпрямился, отрываясь от корня. Его взгляд скользнул по мне, по Брану, и в нем читалась холодная, железная решимость. — Мы должны закончить начатое. Дерево приняло нашу боль. Теперь мы должны отдать ему силу. Вместе.

Он подошел к самому центру пещеры, к месту, где из пола и потолка сходились самые крупные, самые мощные корни, образуя подобие алтаря. В центре его зияла темная щель, и оттуда исходило то самое, едва уловимое биение.

— Втроем, — сказал Элориэль, и это прозвучало как приговор. — Наша магия, сплетенная воедино, — единственный ключ.

Бран фыркнул, но подошел. Он стоял с одной стороны от щели, я — с другой, Элориэль — напротив нас. Воздух снова начал вибрировать, но на этот раз не от жара, а от напряженного ожидания. Дерево ждало.

— Как? — спросила я, глядя на Элориэля.

— Как тогда, — его взгляд был тяжелым, полным невысказанного смысла. — Как в твоём сне.

Лед пробежал у меня по спине. Он знал. Он все чувствовал. И Бран... Бран смотрел на меня с тем же голодным пониманием. Стыд попытался поднять голову, но тут же был сметен новой, накатывающей волной энергии. Магия Древа тянулась к нам, ласкала, требовала. Она хотела единения. Жизни. А не борьбы и запретов.

Элориэль первым протянул руки, положил ладони на гру-

бую кору. Его магия хлынула наружу — не холодная стена, а серебристый, упорядоченный поток. Я последовала его примеру. Моя сила, яркая и золотистая, вырвалась навстречу. И потом — магия Брана. Дикая, темно-алая, как свежая кровь, она влилась в наши потоки не с борьбой, а с мощным, утверждающим толчком.

Три силы столкнулись в центре, над темной щелью. Раздался оглушительный треск, будто ломалось стекло. Боль ударила по вискам, заставив вскрикнуть. Мы были слишком разными. Слишком чужими. Мы не сливались, мы уничтожали друг друга.

— Нет! — крикнул Элориэль, и в его голосе впервые прозвучал отчаяние. — Не боритесь! Примите!

Но как принять то, что отталкивается на фундаментальном уровне?

И тут я вспомнила. Вспомнила сон. Тот самый, постыдный и прекрасный. Ключ был не в магии. Ключ был в нас. В телесном принятии друг друга. Я отпустила контроль. Перестала пытаться направлять свою силу. Я просто... открылась. И посмотрела на Брана. Потом на Элориэля.

— Перестаньте контролировать, — прошептала я. — Просто почувствуйте.

Я сделала то, что казалось невозможным. Я отпустила корень и сделала шаг вперед, в эпицентр бушующей энергии. Она ударила по мне, грозя разорвать на части. Я стояла обнаженной перед ними, перед Древом, перед самой судьбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.